

СВЕТЛЯЧОК

17.06.2013

№6 (27) Июнь 2013 года

ОН БЫЛ И ТАКИМ

Пётр Иванович Супонев (1920 – 2008), почётный гражданин нашего города, учитель математики, в прошлом -

директор школы №2, известен всему району как человек заслуженный и серьёзный. И лишь кругу близких людей он запомнился балагуром и весельчаком, умеющим и разрядить обстановку остроумной шуткой, и срифмовать по случаю несколько стихотворных строк. Материал, предоставленный для газеты бывшим учителем Торопацкой школы, краеведом Валерием Константиновичем Разживиным, знакомит нас именно с таким Супоневым. Кроме того, здесь некоторые подробности его биографии военных лет.

Учился молодой Пётр Супонев в Ленинградском артиллеристском училище. Тогда уже наставников радовало его желание дойти до понимания всех тонкостей военного дела. По всему выходило, что будет Супонев артиллеристом достойным.

Из училища лейтенант Супонев выпустился в июне сорок первого. В бой вступил, что называется «с ходу», когда офицерская портупея ещё поскрипывала на мальчишеской фигуре. Сполна хлебнул военного лиха. В сентябре 1941-го после ранения попал Пётр в плен к финнам. При первой же возможности совершил побег. Поймали. Отправили в концлагерь «за непослушание». Это только несведущему кажется, что финский плен — не немецкий. Потомки варягов оказались истязателями не слабыми. Учителя, видно, у них были хорошие. Прошёл военнопленный Супонев весь уготованный ему кромешный ад. Честью нигде не поступился и Родину не предал. А проверку он прошёл очень тщательную. Это уже было после того, когда в 1944 году Финляндия вышла из войны и советские пленные были отправлены домой, в Союз. Органы даром хлеба не ели и, не найдя в лагерном прошлом бывшего лейтенанта Супонева ничего порочащего, для профилактики направили его в штрафной батальон. Там попал Пётр Иванович в тяжелейшую аварию, и после освидетельствования был признан негодным к военной службе и отправлен домой.

В. Разживин

Эти стихи, подаренные автором семье Разживиных, остались в архиве Торопацкой школы:

* * *

Откровенно вам признаться—
Не хотелось в Торопацу
Рано утром уезжать,
Так мечталось поспать.

Но приказ для нас закон,
Каждый знает, как строг ОН.
Полусонный еле встал,
Поволокся на вокзал.
Подкатил автобус в шесть,
По местам пришлось нам сесть.
Ничего сначала было,
А потом захолодило,
Завоняло вдруг бензином,
Перцем, луком, гуталином.
Стало здорово худить...
И пришлось остановить
Вдруг автобус нам ... И вот
Отощал слегка живот.
Мы оставили дуэтом
Завтрак свой на месте этом.
А приехав, точно в срок
Поплелися на урок.
Показала нам химичка
Аппарат. Увы, затычка
Поломалася с винтом,
Будет «кипа» вам потом.
То ли дело - физкультура
Тут - кольцо, там - амбразура,
Палки-скалки да мячи
И, о ужас, - кирпичи.
А несчастненьких ребяток,
Как молоденьких козляток,
Бегать, прыгать, нагибаться
И змеєю изгибаться
Заставляет черт Валерий.
Его силу не измеришь,
Ему б повыше потолок,
Он не то еще бы смог.
А серьезно - вам поклон,
Благодарностей мильон,
Пожелание успехов
Без малюсеньких огрехов.

П. Супонев

Игорь Столяров

* * *

С утра бесчисленны дела
И смотрят вдаль чужие
лица,
И дышит ветренная мгла
Напоминаям
Аустерлица.
Меня привычно сторонясь,
Дни маршируют серым строем.
Я наяву ничуть не князь, –
А мне все чудится другое...
Тону в зыбучем буднем дне –
Но в мыслях видится, – так странно! –
Судьба несет тебя ко мне
В вагонном клёкоте «Сапсана»
Сюда, где в будничном строю
С тоской неведомою снова
Я силюсь высмотреть свою
В толпе совсем чужих ростовых...

* * *

...Узоры строк, словесная игра,
Где жирным потом льется чья-то ересь.
А мне они давно уже приелись –
Все эти па... фосные номера.
Я ухожу в забытое вчера
И, как язычник в обнаженном танце,
Кружу, забывшись в странно-диком стансе –
И рвется слов пустая мишура.
Пусть кто-то ценит яркие черты,
И стройность тел, и плавные изгибы –
А мне давно душевные эксгибы
Куда милей телесной красоты...

* * *

За любовь дано сторицей
Мне терпенье примириться
С плясками юродивой,
Что зову я Родиной...

* * *

...В мельканьи лиц давно не видно человека.
Куда несётся мир немислимо большой,
И для чего я в нем пытливою душой
Ловлю поэзию чипованного века.

* * *

...Молчу о той, что рядом с самого начала –
Слова слабы!
О, сколько раз ты страшный крест мой
вырывала
Из лап судьбы!
Чего хотел бы я, о том без многословья –
К чему здесь речь:

От одиночества сыновнею любовью
Тебя сберечь...

* * *

...Волос завитка шального рукою она касалась,
А мне в сотый раз казалось,
Что вот он – мой главный кон.

Порой ветерок весенний в окошко влетал
порывом, –

Как маску фаты игривой,
вздымал занавеску он.

Случайно не стертым кадром мелькал в тишине
стыдливой

Под платьем девичьим узким
чулка озорной капрон.

А кто-то опять бутылку раскручивал торопливо, –
Как будто в рулетке русской
искал роковой патрон.

Безмолвно чужие губы молили судьбу о пуле,
Чужие ладони льнули
к творению рук Шене.

И свет пошловато липнул к романтике полумрака,
Как дерзкий хмельной гуляка –
к чужой молодой жене...

Вот новый толчок... томленье... вращение...
остановка!

В молчаньи смотрю неловком
на профиль, что так любим.

Не мне доверялось чудо с волнистыми волосами,
Лучисто смеясь глазами,
восторги деля с другим.

Улыбка в прицелах взглядов чиста, как душа
ребенка,
И жарче небес в июле –
багряный пожар ланит!

Но губы сомкнулись пылко, и сердце разбилось
звонко, –

Как будто случайной пулей
я был в этот миг убит.

***

Один постами путь пробьет себе настойчиво,
Другой свой крест потащит с потом и постом,
И даже очередью бывший встанет в очередь,
Чтобы поставить жертве памятник потом.

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №5 (26) за 2013г.)

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1988

31.01

***

Пролетарская и буржуазная культуры (а возможно, и идеологии) – не взаимоисключающие явления. Это два поставленные в одной комнате зеркала, отражающие друг друга. Они разные, но комната – одна. И она их объединяет. Отсюда – нечего приписывать модернизму упадочность, реакционность, как это делает Горький и – отчасти – Бунин. Модернизм – это эмоциональная (м.б., чересчур эмоциональная) реакция нормального человека на гримасы ненормального мира и времени. Нарушена гармония между человеком и миром; всё видится в кривом, дисгармонирующем зеркале. Отсюда и модернистские «монстры».

Но есть поиски этой гармонии (а не упивание этой дисгармонией – духовный мазохизм) – а отсюда полифония: красок, звуков, стилей, даже языка. В чём-то, как мне кажется, это близко по сути культуре барокко.

***

Там, где нет противоречий, там нет настоящего искусства. Есть лишь притязание на своеобразие. Конфликт – *perpetuum mobile* искусства. Но, как стилистический приём, бесконфликтность может быть конфликтом. В сатире, например.

11.09

Уже 1,5 недели отработал в школе. Пожалуй, интересно. Но мне не хватает навыков монологической речи. Тем более что люблю диалог. И не хватает – катастрофически – общепедагогических знаний и навыков.

6.10

Школа должна давать образование и воспитывать образованием. Воспитание как воспитание – приоритет семьи. Очень осторожно следует относиться к применению игровых методов в обучении и воспитании в школе. Они должны быть рабочими, не размывать учебных и развивающих целей. Это ведь не детский сад. Дети тоже ведь находятся на работе, – наравне с педагогами.

9.10

Гена Трошанов – умный человек, но уставший. Наломали дров товарищи строители коммунизма. Человек чувствует себя дома беженцем – без войны, без голода, без мора. Не любят у нас инако думающих, инако – в соответствии с задумкой природы – устроенных.

19.10

Умения и навыки учеников должны быть доведены до автоматизма, чтобы они ни минуты не задумывались: а как? а зачем? а правильно ли? И это до тех пор, пока не будет заложена база знаний, фундамент. Но, с другой стороны, необходимо дать и алгоритмы получения новых знаний, методику, т.е., научить задавать себе самому вопросы. Противоречие. Как его преодолеть? Сомнение в фундаментальных знаниях для большинства убивает интерес к знанию вообще, а без такого сомнения развитие науки практически невозможно. Но школа – не академия. И всё-таки – разрешить это противоречие важно. Нужно научиться учить самостоятельности мышления на прочном научном фундаменте. Иначе – это только игрушки, только работа и заработок. Тошненько.

30.10

Труд никогда не делается потребностью. Осознанной необходимостью – да. Но именно в этом – свобода. Говорят: труд создал человека. Если это буквально, то не уверен в этом. Человека

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 4).

человеком сделала необходимость. Труд – это всего лишь форма, в которую вылилась эта необходимость. Отсюда: история человечества – история развития воплотившейся в труде необходимости.

8.11

Мы, может быть, и сейчас находимся в состоянии гражданской войны.

13.11

Очень понравилась мысль Томаса Стернза Элиота в «ЛГ» от 26.10.88 №43. Я думаю, он прав: «Ни один университет не должен быть учреждением исключительно национального характера, хоть и стоит на национальной почве. У университетов Европы должны быть свои общие идеалы и свои обязательства по отношению друг к другу. Они должны быть не зависимы от правительств. Они должны быть учебными заведениями для подготовки умелых бюрократов или для создания условий учёным взять как можно больше от своих иностранных коллег. Их долг – охранять знание, искать истину и, насколько это в человеческих силах, добывать мудрость».

С того момента, как наука, особенно социальная, начинает быть оружием борьбы в политике и идеологии, она прекращает быть собственно наукой. В дело науки не должны вмешиваться люди далёкие от неё. С этой точки зрения, наука должна носить характер некоторой храмовости.

14.11

Воспитание и обучение в школе? Семья и школа? Где и в чём синтезирующее этих оппозиций? Если удастся его найти, отпадёт необходимость в скороспелых и неумных реформах школы.

1989

8.01.

Удивительное состояние – хочу работать, и, вроде бы работаю, а тут вдруг получаю по рукам и незаметный почти намёк: «Не смей!» И не знаю, что делать.

14.01.

Витиеватость мысли – ещё не оригинальность её. Оригинальность в простоте и новизне (не важно понимают это другие или нет) или, на худой конец, в субъективном характере её оформления, что тоже может быть крайне витиеватым. Во как!

17.01.

Любое искусство – условность. Там, где это игнорируют, получается более или менее удачная копия действительности. Зачем же копировать то, что и так дано. Это скучно. Оттого скучен натурализм.

Правда, есть фотография. Но в фотографии произведением искусства следует считать глаз фотографа, точнее, его избирательность и вкус.

Хотя, может быть, у натурализма есть и другая задача: отбор материала в его, так сказать, «сыром виде», для дальнейшей художественной огранки уже методами и средствами искусства. Трудно представить, каково было бы «Преступление и наказание» без физиологических очерков Петербурга.

1.03.

Каждое мгновение своей жизни, или почти каждое, если не лукавить, пытался сделать что-то небесполезное, что-то нужное хоть кому-нибудь, пытался продвинуться в познании истинных (как это я понимал и понимаю сейчас) духовных ценностей. И что же? Я вижу себя в той же точке, с которой начинал. Знания мало что дали душе и духу.

2.03.

Зачитываюсь, как когда-то в армии, Достоевским. Читаю запоем.

7.03.

Сейчас вокруг столько грязи, что, чем больше стараешься уберечься от неё, тем сильнее пачкаешься. Лучший способ – меньше о ней думать и делать своё дело. И почаще убираться в своём Доме.

(продолжение следует).

• Край родной

Старинные усадьбы

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. *Маргариточка. Стихи я твои перечитываю. "Заводь из милого детства..." сразу же уводит меня в мою милую Бобровку (Оленинский район), где в детстве я проводила лето. Бывшая барская усадьба, это село в то время ещё хранило необыкновенную атмосферу старины. Таинственный парк, пронизанный красно-золотыми лучами заходящего солнца, затихающий гомон птиц, аромат вековых лип, отдающих тепло летнего дня, густая белая пыль на просёлочной дороге... Господи, как это было красиво, загадочно, блаженно! Над раздвоенной верхушкой высоченной пихты загоралась звёздочка. В соседнем доме, окружённом плетёной изгородью, благоухали розы (там жила женщина – учительница биологии).*

А когда совсем становилось темно, посвежевший к ночи ветерок тревожно шуриал жёсткими листьями серебристого тополя, растущего у крыльца. И становилось немного страшно. Я убежала в дом, в тепло и уют. Помню, даже электричества тогда не было. Под потолком висела керосиновая лампа с абажуром, на полу – домотканые половики, стулья венские (с изогнутой спинкой и круглыми сиденьями), в углу стоял большой-большой сундук, я на нём спала... В котелке варили к ужину картошку, тётушка доила корову, бабушка сечкой рубила в деревянном корыте траву... Потом все садились за стол. Риточка, какая была картошка вкусная! Рассыпчатая, крупная, с каким-то ароматно-сладким привкусом. Её можно было есть, как говорила бабушка, голью, даже без хлеба.

Мы теперь иногда ездим в Бобровку, чтобы привести в порядок могилы своих родных. Ничего не осталось от прежних времён. Парк превратился в непроходимую чащу, пихта и липы рухнули, состарившись. И воздух даже стал другим. Единственное, что напоминает о прошлом, это обилие полевых гераней – лиловых, фиолетовых, тёмно-малиновых... и старые берёзы, которые сажала ещё моя мать перед войной.

Поля в округе запущены, а тогда они были синим морем от цветущего льна... Пруд, в котором ковырялись утки и механизаторы мыли свои трактора, ещё жив, но я туда не ходила, потому что надо пересечь для этого двор бывшего бабушкиного дома. А там теперь живут чужие люди. И как-то у них всё не так ...

ПИСЬМО ВТОРОЕ. *Утомляются глаза, как говорила моя бабушка – "мулеют". Я часто вспоминаю бабу Дашу. Я с ней много проводила времени в детстве. Кстати, у меня есть рассказы о ней. Дело в том, что моя двоюродная сестра Лара Иванчикова (в Минске) как-то задумала изучить и изобразить в письменах нашу родословную, поскольку жива ещё моя мать (85 лет), и она многое может рассказать. Словом, начали мы с ней переписку по Интернету. Я ей – свои сочинения, она мне – свои. Составила я и родословное древо. Примечательно, что оно уходит корнями в Бобровку, вернее, мои предки по матери все отсюда или из ближайших деревень. Так вот, есть один интересный эпизодик, связанный с житием одного из моих родственников. Моя тётушка Анна (в семье её звали Нюша) была замужем за Николаем, а отца его, Алексея, в своё время воспитывала местная барыня Рачинская, имение которой находилось как раз в прекрасном старом бобровском парке. Получилось так, что отец маленького Алёши заревновал свою жену и в приступе ярости зарубил её топором. Остались сиротами два малолетних сына. (У Алексея ещё брат был). Этих мальчиков и взяла барыня на воспитание. Дала им образование, Алёшу потом направила по агрономической науке. Кстати, эта наука спасла его от преследований советской власти в годы революции и позднее. Он очень хорошо понимал в огороднических делах, к нему шли за советом. Когда образовались колхозы, выращивал такие богатые урожаи овощей и фруктов, что его не посмели тронуть во время раскулачивания зажиточных крестьян. Алексей со своим дворянским воспитанием и достаточными средствами на жизнь вообще являл тогда собой элемент чужеродный с точки зрения революционных масс. По-моему, владел торговой лавкой, имел посудное серебро, добротную обстановку в доме и прочие атрибуты небедного существования. Много читал, много знал... Однако не сослал. Когда я приехала в детстве в*

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр.6).

Бобровку, любила лазить на чердак и там находила целые залежи старых журналов "Нива", ещё с "ятами". Это точно были журналы деда Лексея (так его звали все в семье).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ. *Маргарита! Твоё намерение пристроить мои некоторые воспоминания в "Светлячок", конечно, лестно для меня. Но я боюсь, что они слишком интимны и не представляют исторического интереса. Если только вот один факт. Поэт Андрей Белый одно время жил в поместье Рачинской. Она поселила его в деревянном двухэтажном доме, стоящем в глубине парка. Там был глухой сторож, стояла такая необыкновенная тишина. Андрей творил. Кажется, там он написал одно из своих произведений. Вроде, называется оно "Серебряный ангел" или ещё как-то. В советский период в этом доме устроили школу.* (Светлана Виноградова. Нелидово).

ИЗ ИСТОРИИ:

Бобровка — деревня в Оленинском районе Тверской области, входит в Глазковское сельское поселение, расположена в 5 км севернее районного центра Оленино и в 0,3 км севернее федеральной автомагистрали «Балтия».

Население деревни в 1997 году составляло 318 жителей.

Имение Бобровка принадлежало дворянам Лыкошиным, Колечицким, с середины XIX века - Рачинским. В 1802 году в Бобровке была построена каменная Успенская церковь, в 1871 году открылась сельская школа.

В 1909-1912 годах в имении Рачинских часто бывал Андрей Белый, написавший здесь роман «Серебряный голубь». В 1920 году в Бобровке имелось 27 дворов и проживало 87 человек.

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ

Повесть в семи главах
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая повесть есть первая часть задуманной трилогии "Восток или Запад"; в ней рассказан лишь эпизод из жизни сектантов; но эпизод этот имеет самостоятельное значение. Ввиду того, что большинство действующих лиц еще встретятся с читателем во второй части "Путники", я счел возможным закончить эту часть без упоминания о том, что случилось с действующими лицами повести - Катей, Матреной, Кудеяровым - после того, как главное действующее лицо, Дарьяльский, покинул сектантов.

Многие приняли секту голубей за хлыстов; согласен, что есть в этой секте признаки, роднящие ее с хлыстовством, но хлыстовство как один из ферментов религиозного брожения не адекватно существующим кристаллизованным формам у хлыстов; оно - в процессе развития; и в этом смысле голубей, изображенных мною, как секты не существует; но они - возможны со всеми своими безумными уклонами; в этом смысле голуби мои вполне реальны.

А. Белый

1910 года. 12 апреля. Бобровка.

В БОБРОВКУ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

(отрывок из статьи)

«В 1909—1912 годах Андрей Белый оказался тесно связан и фактами биографии, и творчеством с одним местечком в нынешнем Оленинском районе Тверской области — селом Бобровка. Более того, здесь создавались два его вершинных романа: «Серебряный голубь» и «Петербург». «Петербург» оказал огромное влияние на двух его великих современников-романистов — Марселя Пруста и Джеймса Джойса.)

Что касается обстоятельств приезда писателя в тверскую глубинку, то предоставим слово самому Андрею Белому: «...на носу был уже новый скандал в кружке, чуть не кончившийся всеобщим побоищем, из которого я был выхвачен, увезен домой и отправлен в глушь Тверской губернии, в угрюмый дом, спрятанный в сосновом парке, с совами и филинами, с фундаментальнейшей библиотекой; здесь я провел более месяца в сплошном одиночестве над решением вопроса, как же мне жить и быть; и внешнее оформление моей немоты: мне прислуживал глухонемой, косматый

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 6-8).

старик, объяснявшийся знаками, так что неделями не слышал я звука собственного голоса». Благодетельными были «бобровкинские зимы» и для творчества Андрея Белого, и для его психического самочувствия. Писатель не раз подчеркивал, что с этого начался его путь вверх после преодоления затянувшегося духовного кризиса. А о первом приезде в тверскую глубинку писал так: «Пять недель, проведенных в Бобровке, видоизменили меня; формальные интересы перетекли в работу, все-таки сдвинувшую стиховедение с мертвой точки; реальные — захватились романом; времени для уныния не было; я усилием воли отвлек от себя то, что разлагало сознание». В результате — два выдающихся романа и научная теория русского четырехстопного ямба, которым, напомним, написан «Евгений Онегин».

Вячеслав ВОРОБЬЁВ,
профессор Государственной академии
славянской культуры

Андрей Белый
(Бугаев Борис Николаевич)
1880 — 1934

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз - и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится - я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь - восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

ПОЛЕВОЙ ПРОРОК

Средь камней меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.
Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,

Ликованьем окрестность встревожу,—
Как пришло: всё прошло — отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле — дом мой. Песок — мое ложе.
Полог — дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я — просторов рыдающих сторож,
Исходивший великую Русь.

(имение Рачинских, Бобровка)

У СТАРИННОЙ УСАДЬБЫ

Среди шепчущей зелени, скрыт от лучей,
Он стоит — родовитый потомок...
Одинокий, безмолвный, забытый, ничей
Среди жизни чужой, незнакомой.

Среди вязов старинных стоит и дубов
Заколдованным сказочным замком.
Заколочены окна, на входе — засов, -
Красть уж нечего местным крестьянкам...

Но нездешняя в облике том красота,
Благородство и формы, и линий,
Воплощённая кем-то в камне мечта,
Что жива ещё в нём и поныне.

Не унынием веет от розовых стен,
Созерцать их — и грусть, и отрада.
Когда зренье моё затоскует совсем,
Прихожу посидеть где-то рядом.

За оградой шоссе, и асфальт, и бетон,
И авто... - Не деревня, не город...
Я же - там, на ступеньках, на стыке времён
Посижу элементом декора...

Посижу и послушаю в шуме листвы
О гармонии мира и неба,
О прекрасной мечте, о красивой любви,
И о доме, в котором я не был.

Лариса Иванчикова,
г. Минск

- Дух поэтического братства

А нам иное греет кровь

25 мая в Андреаполе во второй раз состоялся поэтический фестиваль западной зоны области. В нём приняли участие более тридцати самодельных авторов из соседних с Андреапольским районом городов. Собранных приветствовал член Союза писателей, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Союза журналистов РФ, автор множества книг прозы и публицистики Валерий Яковлевич Кириллов.

*Кому-то счастье – власть, богатство,
А мне иное греет кровь:
Дух поэтического братства,
Свобода, лето и любовь.*

Эти строки торопчанки Надежды Егоровой (теперь она живёт и работает в Москве) уже в прошлом году стали девизом поэтической встречи пяти районов юго-западной зоны области в Андреаполе. В мае минувшего года таким широким кругом самодельные поэты собрались впервые. Большинство авторов уже были знакомы между собой: либо встречались на Каблуковских литературных чтениях, либо одно литобъединение бывало в гостях у другого, либо друг о друге слышали, - поэтический народ в маленьких городках товар штучный.

Идея собрать всех вместе пришла в голову директору районной библиотеки Наталье Беляковой, члены андреапольского литературного клуба «Светлячок», работающего при этом очаге культуры уже 25 лет, идею подхватили и принялись осуществлять. Первый блин не вышел комом. К назначенному часу в Андреаполь подтянулись поэты из Пено, Торопца, Нелидова, Западной Двины. Два часа в парке, прилегающем к библиотечному зданию, звучали стихи. Среди слушателей равнодушных не было, потому что каждый вышедший к микрофону старался показать лучшее из написанного. Нынче, правда, из-за погоды, грозящей дождём, встречу пришлось устроить в здании библиотеки. Но это делу не помешало. Чтения состоялись.

А потом началось самое ценное – неформальное общение: обмен впечатлениями, планы на будущее, обсуждение последних новостей в литературном мире. Регион наш отдалён не только от столицы, но и от областного центра. В Тверь из нашей Тмутаракани не наездишься, а тут товарищ по перу под рукой и всегда готов дать тебе добрый совет. И результат от такого общения имеется, мастерство творцов растёт, улучшается качество стиха.

Всё чаще наши товарищи занимают верхние строчки в рейтинговых таблицах различных конкурсов. Полагаю, что некоторые из наших рядов вполне доросли до звания профессиональных поэтов, осталось только оформить это официально. На нынешней встрече, высоко её оценив, В. Я. Кириллов предложил нашему литклубу рекомендовать некоторых её участников для вступления в Тверское содружество писателей. Наверное, мы воспользуемся этим советом.

Но, по большому счёту, дело даже не в местах и рейтингах. Важнее то, что в наши меркантильные времена не перевелись люди, ставящие на первое место не кошельки и усадебные участки. Таким, действительно, «греет кровь иное». И пишут наши друзья не в пустоту. У них находится читатель, их сборники раскупают. Газета «Светлячок», имеющаяся в каждой городской и сельской библиотеке Андреапольского района, не залёживается на полках. Она востребована. Кстати, 30 мая исполнилось два года с момента выхода первого номера «Светлячка».

М. Петрова

Владимир Юринов

На картах не значится

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ

Однажды в кабинете командира орловского полка появился запыхавшийся капитан С.

– Товарищ командир!.. Товарищ командир!.. – с порога заблажил он и, с трудом переведя дух, продолжил: – Там Ан-12-й у нас приземлился!..

– Знаю, – спокойноотреагировал командир. – И что?

– Он на Читу сейчас идёт! – продолжал волноваться вошедший. – А потом сразу – через Канск на Горький! А у меня отпуск! И семья – в Ядрине! Это – там, под Горьким... Мне как раз!.. Разрешите?..

Командир понял, что капитан С. просит его разрешения на убытие в очередной отпуск попутным транспортным «бортом».

– У тебя отпуск с какого? – на всякий случай уточнил он.

– С понедельника, – доложил капитан С. и тут же поспешно добавил: – Но комэска согласен отпустить с сегодняшнего дня!

– Ну, если комэска согласен... – пожал плечами командир.

В общем, летать транспортными самолётами для офицеров ВВС всегда было делом привычным. Но обычно это касалось перелётов в пределах своего военного округа. Редко выпадал случай вот такого попутного маршрута. Командир это понимал. Но он понимал и другое. Он был старым и мудрым воином и уже давно служил на Дальнем Востоке. Он имел большой личный и профессиональный опыт по взаимодействию с военно-транспортной авиацией, и теперь его терзали смутные сомнения.

– Может, всё-таки как обычно? – попытался отговорить он капитана С. – Может, всё-таки «Аэрофлотом»? Мягкое кресло, стюардессы там, то, сё, опять же курочка на завтрак. Сейчас не сезон, билеты будут...

– Товарищ командир! – взмолился капитан С. – Так ведь это сначала надо поездом до Хабаровска, потом уже только – на Москву, а потом ещё и от Москвы до Горького добираться! А тут – раз! – два! – и на месте!..

– Раз-два, говоришь... – скептически прищурился полковник.

– Ну, това-арищ командир!..

– Ладно, – согласился командир. – Давай. Диспетчеру скажешь, что я разрешил... А ты успеешь? Ну, это... отпускной оформить, вещи собрать?..

– Успею!.. – донеслось до него уже из коридора...

Спустя три недели в Орловке приземлился тот же самый Ан-12. Из самолёта, хромая и пошатываясь, выбрался человек. Человек был помят, человек был сильно небрит, от человека пахло. Он был весь какого-то неопрятно-мышинного цвета. Лицо его было измождено, углы губ скорбно опущены, под провалившимися глазами залегли глубокие вечерние тени. С огромным трудом сослуживцы узнали в печальном страннике капитана С.

Два дня капитан С. пил. Потом, слегка протрезвев и отмывшись, он поведал друзьям подробности своей эпопеи.

До Читы, а точнее, до авиационного гарнизона Домна, что расположен в двадцати километрах от столицы Забайкалья, он действительно долетел. В тот же день. Но на следующее утро командир экипажа сообщил, что получил предписание забрать попутный груз. В Джиде. Было ещё не поздно отказаться. Было ещё не поздно, плюнув на журавля, схватить за хвост синицу и, перебравшись в читинский аэропорт, улететь рейсом «Аэрофлота» на Москву. Пусть даже за свои деньги, а не по воинскому требованию. Но улететь. Капитан С. остался на борту Ан-12. Кто его знает, может, сыграло свою роль то, что командир экипажа клятвенно заверял, что ходка в Джиду не займёт много времени – час туда, час оттуда, час там. Может, ему, в смысле капитану С., было сильно лень добираться с тяжеленным чемоданом из Домны до Читы и дальше – до читинского аэропорта

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

«Кадала». Может, все доводы перевесило сладкое слово «халява». Может быть. Не знаю. Нас там не было, а капитан С. потом никак не комментировал своё решение. Он просто полетел в Джиду.

Из Джиды самолёт отправили в Укурей. Из Укурея – в Степь. Из Степи – в Магдагачи. Таким образом, к концу второго дня пути капитан С. оказался гораздо ближе к Орловке, чем в конце первого. Но на плане на следующий день самолёту всё-таки был запланирован маршрут Магдагачи – Домна – Канск – Горький. Надежда оставалась.

В девять утра вылетели. После бессонной ночи (в лётной гостинице места оказались только для членов экипажа, и ночевать пришлось на борту совершенно выстывшего к утру самолёта) капитан С. пристроился на каких-то сложенных под иллюминатором чехлах и, пригревшись, сладко заснул. Проснулся он часа через четыре. Самолёт летел. Поглазев на проплывающий внизу, размытый дымкой пейзаж, капитан С. хотел было продолжить «давить на массу», но что-то его насторожило. Ещё через полчаса он понял что. Дело было к обеду, а солнца, которое должно было в это время висеть слева по борту, не было видно. Солнце было сзади. Самолёт летел на север. Капитан С. вскочил и заскрёбся в кабину экипажа.

– На Тикси идём, – сообщил ему второй пилот. – Утром поменяли маршрут.

– Как на Тикси?.. – присел на ослабевших ногах капитан С. – Зачем на Тикси?..

– Комиссию какую-то оттуда забрать, – пояснил пилот. – Московская комиссия. Сплошь полковники. Свой «борт» у них там, понимаешь, сломался, вот нас и подвернули. Заберём их и пойдём на Читу.

– Господи... – прошептал капитан С., хотя в Бога никогда не верил. В душе у него появилось нехорошее предчувствие.

И это предчувствие его не обмануло.

В Тикси они застряли на неделю. По погоде. Не выдержав пытки затяжной северной пургой, капитан С. запил. Пил он тяжело – со скандалами и драками и к концу недели стал заклятым врагом всего экипажа Ан-12. Командир экипажа даже пригрозил оставить его в Тикси. Насовсем. Капитан С. испугался.

Утром в день вылета С., находясь в полувменяемом состоянии, пробрался на борт Ан-12 и спрятался в грузовом отсеке среди каких-то тюков. Вылет задерживался. Незаметно для себя С. уснул. Проснулся он от холода. Самолёт шёл на высоте семь километров, и в грузовом отсеке было не на много теплее, чем за бортом. А за бортом было минус 60. Капитан С. мгновенно протрезвел. Какое-то время он пытался согреться методом «дрыгоножества и рукомашества», но при такой температуре это было бесполезно. К тому же при каждом резком движении у него от гипоксии плыло перед глазами. Через полчаса С., не выдержав, забарабанил в дверь гермоотсека. Когда, аварийно разгерметизировав кабину, его наконец выпустили в тепло, он первым делом задал вопрос: «Куда летим?»

– В Анадырь, – недовольно морщась от перепадов давления, ответил ему один из летевших в гермокабине полковников.

Капитан С. тихо застонал.

В Анадыре выяснилось, что он обморозил ноги. Но это были ещё не все неприятности. Оказалось, что экипаж, будучи абсолютно уверенным, что хлопотного пассажира нет на борту, выгрузил в Тикси его чемодан. В чемодане были почти все деньги. Теперь С. был намертво «привязан» к своему самолёту. «Аэрофлот», как альтернатива военно-транспортной авиации, стал ему недоступен. Впрочем, как и все другие виды гражданского транспорта.

Из Анадыря полетели в Елизово, на Камчатку, оттуда – в Дзёмги, что под Комсомольском-на-Амуре.

Потом был сахалинский аэродром Смирных, потом курильский Буревестник, приморские Галёнки и Черниговка, Воздвиженка и Варфоломеевка, потом «10-й участок» и Бирофельд.

Может быть, были ещё какие-то аэродромы, которые капитан С. не запомнил. Он отупел. Ему уже было всё равно. Он спал где попало и питался чем придётся. Он стал агрессивен и кидался на людей. Он не мылся уже больше двух недель. От него начало пахнуть, и командир экипажа запретил ему летать в гермокабине. От сквозняков, что гуляют в грузовом отсеке, у С. открылся хронический насморк. От постоянного грохота авиадвигателей он почти оглох. Когда ему сказали, что самолёт летит в Орловку, он сначала не понял, о чём идёт речь. Ему повторили. Тогда он заплакал...

(продолжение на стр.12)

(начало на стр.10-11).

Капитан С. с трудом спустился по стремянке на родную орловскую бетонку и долго стоял, не зная, что ему делать и куда идти. Тёплый весенний ветерок шевелил его давно не чёсанные волосы. Пока он путешествовал, в Орловке наступила весна...

Потом его узнали сослуживцы.

У капитана С. оставалось ещё три недели отпуска. В далёком Ядрине его ждала семья. Но он никуда не полетел. Он отбил в Ядрин телеграмму и стал терпеливо ждать. А через месяц поехал встречать свою семью. В Хабаровск. Поездом.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ

Жена штурмана эскадрильи майора Н. ждала ребёнка. Ситуация, в общем-то, рядовая, житейская. Ребёнок был ожидаемым, к тому же уже не первым в семье, отношения между супругами были хорошими, тёплыми, так что ничего не предвещало каких-нибудь проблем, а тем более глобальных потрясений. И тут майора Н. отправили в отпуск.

Отпуск в армии всегда сродни погодному явлению – он может быть желанным, он может быть нежеланным, но он всегда бывает неожиданным. Нет, конечно, ещё в ноябре месяце тщательно составляются, согласовываются и всеми возможными инстанциями утверждаются графики отпусков личного состава на следующий год, но графики эти исполняются – и то, надо сказать, в лучшем случае, – исключительно для первой партии отпускников, традиционно уходящих в отпуск с 25 декабря.

Отпуск для майора Н. был в тот момент крайне нежелателен. Его жена была на восьмом месяце. Тащить её куда-то через всю страну в таком положении было неразумным. Более того, к возможному сроку родов, когда мужу по всем житейским канонам надо было бы находиться рядом с женой, организовывать её отпавку в роддом, во время родов сидеть дома с первым ребёнком, а после родов всячески помогать жене по хозяйству, так вот, аккурат к этому сроку его отпуск как раз уже должен был закончиться. Но делать было нечего – приказ есть приказ. Капитан Н. повздыхал-повздыхал и занялся домашними делами, до которых, за будничной служебной суетой, обычно не доходили руки.

И тут его посетила идея. Дело в том, что у майора Н. был друг. Лучший друг, с которым они жили в одном дворе, учились в одном классе, вместе поступили в лётное училище и вместе из этого училища успешно выпустились. И поехали служить они по выпуску тоже вместе – на Дальний Восток, но, к сожалению, попали на разные аэродромы: Н. – в Орловку, а его друг – в Елизово, на Камчатку. Не виделись друзья к тому времени уже лет пять.

И майор Н. решил навестить друга. Действительно, чего дома сидеть? Скучота ведь! Развлечений, кроме телевизора, никаких. Пойти толком опять же некуда – глушь, зима. Страстным охотником или рыбаком майор Н. тоже никогда не был. Да и домашние дела все переделались как-то на удивление быстро – вот ведь что значит, когда свободного времени вдоволь, когда служба не заедает! А тут возможность-то какая! В кои-то веки выпадет ещё такой случай! И обернуться туда-сюда можно быстро: ночь на поезде до Хабаровска, самолётом на Камчатку, два-три дня там – и сразу домой, обратно; итого, дней за пять можно вполне уложиться, ну, максимум за неделю.

Решение было принято. Майор Н. быстро собрал вещи, погладил жену по животу, поцеловал её в нос и уехал.

Вначале всё шло по плану – уже следующим вечером Н. сидел на квартире у своего камчатского друга и закусывал разбавленный спирт камчатской красной икрой. Сидели хорошо, говорили «за жизнь», вспоминали училище, школу, друзей. И тут выяснилось, что ещё один их общий друг детства, Серёга Т., служит тут же на Камчатке, причём служит совсем недалеко – в Вилючинске. Серёга, в отличие от них, после школы пошёл не в лётное, а в мореходку и, закончив оную, плавал, а точнее – конечно же! – ходил на атомной подводной лодке командиром какой-то там БЧ. Общего друга было решено навестить. Причём навестить немедленно! Не откладывая, понимаешь, в дальний ящик, не тяня кота за резину и ни в коем случае не размазывая кашу по столу! И они поехали в Вилючинск.

В Вилючинске у них тоже всё получилось – лодка оказалась на месте, Серёга был жив-здоров и даже не стоял ни в каком наряде. Друзья хорошо посидели дома у Серёги, а потом – в ресторане, в

(продолжение на стр.13).

(начало на стр.10-12).

аэропорту, в Петропавловске, куда они все вместе поехали провожать майора Н., улетающего – дай бог ей всяческого здоровья! – к своей беременной жене.

Однако улететь не получилось. Хабаровск не принимал. Глухо. И, похоже, в ближайшие дни принимать не собирался – на Приморье, цепляя юг Хабаровского края, выходил обширнейший циклон – остатки тайфуна «Дора», только что чуть не сравнявшего с уровнем моря многострадальную Японию. Соответственно, не принимал и Владивосток. Принимал Комсомольск-на-Амуре, но туда на две недели вперёд уже не было билетов. Майор Н. загрузил.

И тут Серёге пришла в голову гениальная мысль.

– Слушай! – сказал он, хлопая Н. по плечу. – Есть идея! Моя «хиросима» завтра снимается с якоря. Мы идём во Владик. В Большой Камень. В ремонт. Поехали с нами. А что? Через неделю будешь во Владике, а там – по «железке» – раз! – и дома. Всего-то и делов!

Майор Н. просиял. Дело начинало налаживаться. Да ещё как налаживаться! Мало того, что он, обманув погодные козни, ускользает с Камчатки, так ещё и прокатится на настоящей подводной лодке! На атомном подводном крейсере-ракетоносце! Ну, скажите, кто ни разу в жизни не мечтал о таком? Даже среди лётчиков. Но майор Н. был человеком опытным и прагматичным, он не первый год служил в армии и знал устав. Он поинтересовался – согласится ли командир ПЛ взять на борт пассажира. Ведь атомная подводная лодка не такси.

– Спокуха! – обнадежил его Серёга. – Костян – мой лучший кореш! Он мне не откажет!..

И действительно, Костян не отказал. Наоборот, он приказал выделить «герою-лётчику» отдельную каюту и в первый же вечер плотно «побратался» с «авиацией», научив последнюю чокаться особым подводным способом: «по камушкам».

Трое суток майор Н. наслаждался положением «дорогого гостя». Он был обласкан, он был сыт и пьян и вдоволь «наелся» подводной экзотики, излазив в сопровождении Серёги атомную субмарину вдоль и поперёк.

А на четвёртый день случилось страшное. Вначале майор Н. услышал какие-то частые звонки, за которыми в подлодке последовала беготня и непонятная непосвящённому суета, а потом к нему в каюту вошёл посеревший Серёга и мёртвым голосом произнёс:

– Тебя вызывает командир.

Предчувствуя нехорошее, Н. в сопровождении Серёги проследовал в командирскую каюту. Командир поднял на него потемневшие глаза и, не предлагая сесть, медленно, разделяя речь на короткие предложения, сказал:

– Тебе, паря, не повезло. Нам всем тоже не повезло. Но тебе не повезло больше... Получен боевой приказ. Я вскрыл «конверт № 3». Мы идём к берегам США.

Внутри у майора Н. всё оборвалось. Он хотел что-то сказать, но командир жестом остановил его:

– Не надо. Не дёргайся. Ничего не поможет. Приказ есть приказ.

Потом он помолчал, тяжело вздохнул и продолжил:

– Послушай. Я всё продумал. Вариантов у тебя только два. Первый. Ты зачисляешься в экипаж и идёшь с нами к Америке. Ты ведь, насколько я понял, штурман?

– Штурман... – пролепетал Н. – Но я ведь...

– Неважно, – не дал ему договорить командир. – Штурман есть штурман. Курс ведь проложить сумеешь? Ну вот. А у меня как раз одного штурмана не хватает. Залёг, зараза, в госпиталь. С грыжей. А тебе какая хрен разница? Карты, они везде одинаковые...

– А второй вариант? – робко поинтересовался Н.

– Второй? – командир тяжело покачал не по годам седой головой. – Второй вариант хуже. Про второй вариант мне даже говорить не хочется... Второй вариант такой. Ты всё равно идёшь с нами в Америку, но уже в качестве арестанта. Как неизвестное лицо, тайно проникшее на боевой корабль. А по возвращению ещё и получаешь срок. Года два. За незаконный переход государственной границы...

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр.10-13).

«Вот скажи, куда мне было деваться? – спустя много лет «за рюмкой чая» жаловался мне на судьбу Н., и забытая тоска всплывала в его слезящихся глазах. – Куда?! Ведь подводная лодка же. Океан. Хрен куда сбежишь! Как в том анекдоте!.. А знаешь... – заговорщицки понижая голос и придвигаясь вплотную, открылся он мне. – Знаешь, чего я испугался тогда больше всего?.. «Конверта №3» я испугался! Понимаешь, я тогда подумал, что если есть «конверт № 3», значит, где-то есть и «конверты № 2 и № 1»! И кто его знает, может, после вскрытия этих конвертов меня вообще сразу расстреляют... А может даже, и четвертуют...»

И майор Н. согласился плыть в Америку. В штаб флота ушла шифровка.

Флотское командование, конечно, удивилось. Случай, сами понимаете, из ряда вон. Но приказ есть приказ. Лодка на боевом задании, и назад дороги нет. И флотское командование вступило в сношения с командованием авиационным.

В штабе ВВС тоже удивились. Может быть, даже больше, чем в штабе флота. Но опять же, приказ есть приказ. Деваться некуда. Затронуты государственные интересы, и назад действительно дороги нет. И в штабе ВВС подготовили соответствующий приказ.

Очень сильно удивился командир орловского полка, когда ему на стол лёг приказ, подписанный не кем-нибудь, а лично министром обороны, о переводе майора Н. из Военно-воздушных сил в состав Краснознамённого Тихоокеанского флота. Не всякий день и не всякий командир получает такие приказы.

Но сильнее всех, понятное дело, удивилась жена Н., которая, мало того, что на несколько месяцев потеряла родного мужа, так ещё и в одночасье из жены лётчика-истребителя, майора, превратилась в жену подводника, капитана третьего ранга.

Надо сказать, что новоиспечённый подводник со своими обязанностями вполне справился. Действительно, штурманские карты, они везде одинаковые. Что же касается некоторых особенностей и специфики подводного кораблевождения, то Н. освоил их по ходу дела, как говорится, в процессе боевой учёбы. Всё-таки он был неплохим штурманом.

А жена Н. родила. В свой срок и вполне благополучно. Девочку.

(продолжение следует)

• Новые стихи

Нина Шандаевская

г. Андреаполь

ОТЧИЙ ДОМ

Я вспоминаю отчий дом
И куст сирени под окном,
Где в свете утренней зари
Горят на ветках снегири.

Мороз наносит белым мелом
На стёкла кружево умело.
И, сбитый стаей снегириной,
Летит с деревьев снежный иней.

И я – совсем ещё ребёнок.
Зима. А мне тепло спросонок.
В печи дрова трещат с мороза,
Огнём охваченные грозно.

Я вспоминаю отчий дом.
Ах, как уютно было в нём!
Мне память эта дорога
Теплом родного очага.

А НОЧЬЮ ВЫПАЛ СНЕГ

Похоже, зиму вновь не ожидали,
Но так случилось, ночью выпал снег...
М-10 трасса. Все машины стали
В дорожной пробке, прекратив свой бег.

Как просто всё списать на катаклизмы.
Виновен кто? Зима иль человек?
Остановился ритм привычной жизни
Лишь потому, что ночью выпал снег.

* * *

Какая сонная седая тишина!
По берегам нахмуренные ели.
Волна бежит под взмахами весла,
Качая лодку, будто в колыбели.

В черёмуховой дымке соловьи
Умолкли, спев ночные серенады.
И звёздочка неясная дрожит
И утопает в глубине прохладной.

Мне этим утром хорошо в тиши.
И кажется, что всё вокруг подвластно.
Приветливо кивают камыши
И шепчутся, у берега увязнув.

Маргарита Петрова

ОЛИГАРХ

РАССКАЗ

Плужок тянули вручную. Коренным шёл московский профессор каких-то мудрёных наук. Баба Шура всё время забывала, каких именно, понимала только, что это как-то было связано с математикой. Поэтому его и

нарядили в коренные, чтобы линию борозды держал ровно: криво нарежешь борозды, считай, огород испорчен. Пристяжными в нынешнюю страду оказались доцент из Петербурга и столичный полковник. Второй полковник, питерский, шёл за плугом, потому как родился когда-то в деревне и кое-какой толк в деле знал. Картошку в борозды укладывать вызвалась жена питерского полковника. Баба Шура, несмотря на свои восемьдесят лет, тоже ей помогала. Как же, усадьба ведь её. Да и за всем ходом дел она же приглядывала: работали-то городские, к крестьянскому труду непривычные. Глаз да глаз за ними нужен. А они и не перечили, признав превосходство хозяйки сразу. Грело это бабе Шура душу: поди ж ты, такие важные в своих городах люди здесь подчинялись каждому её слову, исправно исполняли любое указание.

Дело сегодня спорилось. Доцент с московским полковником на жердь налегали старательно, профессор и жердь тянул, и направление выдерживал верно. Им, городским, вначале в диковинку было, как это – на себе огород пахать, а потом даже понравилась нелёгкая крестьянская работа. Лошадей-то в деревне давно повывели, как совхоза не стало. Дамочка городская тоже проворной оказалась.

– Вполне в селянки бы сгодилась, – похваливала её баба Шура.

– Стараюсь, – откликнулась та весело, разгорячённая непривычным, но настоящим делом.

– Ну, а теперь за стол пожалуйста, – приветливо пригласила хозяйка помощников, с удовольствием оглядев огород, приятно темнеющий влажной свежеперевёрнутой землёй.

Те отказываться не стали, приглашение приняли с удовольствием. Долго, весело фыркая и шуточно брызгая друг на друга водой из ведра, умывались и мыли руки. Видно было, что всё это им по душе.

– То-то, как молодые, – подумала баба Шура, посмотрев на пенсионеров-горожан, – где вы в своих городах такое удовольствие получите? Зато и тянетесь каждое лето в нашу глушь от своих удобств городских. Воля прельщает. Вот завершили сегодня годовое дело и отдыхай до вечера. Не по часам живём, по солнышку.

В горнице ждал накрытый стол. Ещё с утра хозяйка всё честь по чести приготовила. Она гордилась своим столом. Всего-то у неё теперь было вволю: селедочка малосольная, огурцы и помидоры свежие, колбаска копчёная и мясная нарезка – торговые, в автолавке на днях приобретённые; грибочки и огурчики солёненькие – домашние. Всё это уже на столе стояло, прикрытое чистым полотенцем. Снять его только. В печи томились картошка с мясом и щи. Достать – одна минута.

Справно жила баба Шура в последние годы. «Это мне за всю мою трудную судьбу благодарность от Бога», – думалось ей частенько. Жизнь её прежде и впрямь не баловала. Несытое военное детство. Из юности тоже приятных минут не вспоминалось. Помнилась только тяжелая работа. Красотой она не вышла: ни лицом, ни статью. Парней на деревне мало тогда было, вот ей и не досталось суженого, сколько ни гадала на него тайно в крещенские вечера, сколько ни привораживала с помощью подсказанных знающими бабками нехитрых приёмов. Всю мужскую работу по дому приходилось самой тянуть. В совхозе тоже жили рвала: дояркой на ферме всю жизнь оттрубила. Всё вручную: дойка, уборка навоза, подноска кормов. Ночные отёлы... Вспоминать не хотелось.

Поэтому, когда появился в деревне и закрутился у её двора мужичонка ледащий, вдруг подумалось ей, что это судьба её наконец-то отыскала свои ворота. Приняла его в дом, удивив тем немало односельчан.

(продолжение на стр.16)

(начало на стр. 15).

- С ума Шурка съехала, - судачили соседки, - на шестом десятке кого ни попадя в дом приютить.

Понять ли им её было? Пожили бы так сами, тогда бы и судили. Коленька, так звали приبلудного мужичка, взялся и впрямь ниоткуда. Просто однажды утром появился в деревне, в которой у него не было ни родных, ни знакомых. Поговаривали, будто бы срок за что-то отсидел и забрёл, куда пришлось. Но доказательств тому не было. Работу не искал, хотя возраста был вполне трудоспособного. Как-то сразу возле Шуриного дома оказался. И прижился в нём на некоторое время.

Заботой окружила его истосковавшаяся в долгом одиночестве женщина, хотя толку от него в хозяйстве не было: ни за молоток, ни за лопату взяться не спешил. «Не работник», - быстро определила Шура, но гнать не стала. Кормила, обстирывала, стаканчик к вечеру наливала, благо не купленное. Даже разрешала в меру покуражиться: пошуметь на неё прилюдно. Но как только по-настоящему поднял на неё руку, сказала спокойно, но веско: «Чтобы глаза мои тебя здесь завтра не видели». И исчез Коленька. Так же тихо, как и пришёл. Как и не было его. А жизнь пошла дальше своим чередом.

Обед вышел на славу. Отяжелевшие от сытной закуски Шурины работники расселись во дворе, продолжая свои умные разговоры, начатые ещё за столом. А хозяйка с полковничьей женой разместились на любимой лавочке, стоявшей в саду под яблонькой. Очень уж вид отсюда был хороший: за свежевспаханным огородом, рукой подать, синело озеро, вдалеке за ним виден был казавшийся почти чёрным лесок. Яблонька давала тень. Шура в последние годы позволяла себе такую вольность, посидеть на этом месте, глядя вдаль. Именно здесь нисходило на неё что-то такое, что образованные люди назвали бы, наверное, благодатью. Но Шуре такие слова в голову не приходили. Ей просто было необыкновенно хорошо. Спокойно, радостно. «Жизнь-то какая ладная», - подумала она про себя. А вслух произнесла:

- Скажи ты мне, Веняминовна, вот олигарх я, по-твоему, или нет?

Вероника Вениаминовна не сразу нашлась, что ответить. Ей почему-то вспомнился незамысловатый анекдот, в котором толстосум хотел удивить деревенского мужичка рассказами о женщинах и виллах, купленных им. «Баб я полдеревни и бесплатно завлеку, а вил у меня вообще полный сарай», - не смутился селянин...

- Ну, Александра Ивановна, олигархи – это люди, которые всё имеют: деньги, особняки на берегу моря и другие блага... Не нам чета...

- А у меня вон озеро за забором, любо-дорого посмотреть. И деньги нынче водятся: и в кошельке, и на книжке. Пенсию-то я теперь получаю хорошую: как ветеран войны. Да за то, что мне восемьдесят лет исполнилось, добавили. Племяшке вот недавно послала, помогаю ей. Думаю, я ничуть их не хуже. Вон, какие учёные люди у меня огород сажают!

Испугавшись, не сболтнула ли лишнего, не обидела ли добровольных помощников, записав их чуть ли не в свои работники, баба Шура поспешно постаралась исправить положение:

- Людей вокруг хороших сколько! Вот вы, например. Помогаете каждый год. Спасибо вам, дорогие мои. Что ещё человеку надо? Может чайку перед уходом?

- Нет, нет, спасибо. Домой уже нам пора. И вы отдохайте, устали сегодня.

- Я посижу ещё чуток, полюбуюсь. А вам спасибо.

Вечер потихоньку спускался на село. Деревенские окошки заголубели - включились телевизоры, разнообразия крестьянский досуг городскими и заморскими происшествиями. Всё там было чужое, непонятное.

Вероника Вениаминовна, вспоминая по дороге к своей небольшой дачке разговор с бабой Шурой, озадачивший её вначале, сейчас не знала, что и делать: то ли прослезиться, то ли рассмеяться. Сидит пред своей развалюхой доживающая век, прошедший в тяжких трудах и заботах, женщина и на полном серьёзе размышляет – не олигарх ли она?! Вот бы свести её с одним из них. Попробовала вообразить бабу Шуру в простеньком ситцевом халате рядом с олигархом в дорогом белоснежном костюме где-нибудь на Канарах. Не получалось. Тем более что и самой там бывать не приходилось. А вот на Шуриной лавочке эта живописная парочка нарисовалась сразу.

(продолжение на стр. 17).

Под яблонькой на фоне деревенской природы оба смотрелись органично. Даже беседа их представилась Веронике. Текла она дружно, пока речь не зашла о мере добра: душевного и материального. На Шурино «всем, в конце концов, только и надо земли два метра» среднестатистический олигарх, вообразённый Вероникой, отрезал, как клацнул:

- Jedem das seine".*

И, помедлив, добавил для непонятливых:

- Каждому своё. Кому, как говорится, ананас, а кому свиной хрящик.

В пословицах баба Шура, растерявшаяся было от резкой немецкой фразы, толк знала, потому ответить не замедлила:

- Тут ты, милоч, прав. «Кому что нравится: кому ситец полосатый, а кому народ носатый», - ещё моя мама говаривала. Каждый по себе выбирает, только ведь за любой выбор отвечать придётся.

Там, - подняла она палец к небу, - деньгами не откупишься.

Вероника Вениаминовна, казалось, слышала даже явную ехидцу в голосе добрейшей бабы Шуры, не свойственную ей обычно. Среднестатистический почернел лицом, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы полковничья жена в густых уже сумерках не споткнулась о кротовую кочку.

- Тьфу ты! И пригрезится же. Сколько раз говорила своему воину: «Всё опасное вовремя убирать надо». Чуть ногу на этой кочке не свихнула. Или голову.

*Jedem das seine" – каждому своё (с немецк.)

• Непридуманнные истории

*Мама, моя дорогая,
Любимая мама моя,
Никаких опекунов мне не надо,
Ты опекай меня.
С тревогой обо мне не думай,
Ничего не случится со мной.
Дай Бог тебе здоровья, мамочка!
Не тревожься обо мне.
Я никому чуждому не нужен,
Лишь только одной тебе.*

ТОЛЬКО ТЕБЕ ОДНОЙ

Эти строки написал своей маме один мальчик, родившийся с тяжёлой патологией.

Действительно, такие больные с рождения дети нужны только самым родным. И то есть семьи, где от таких ребятишек отказываются и сдают их государству. Нередки случаи, когда отцы не могут нести такой груз и покидают семью. И тогда мать должна посвятить такому ребенку всю жизнь и нести на себе груз одиночества.

К счастью, такого не случилось в семье, о которой мой рассказ. Они живут в деревне. Их сын Саша, инвалид с детства, был окружен такой заботой и вниманием, о которых любой обделенный здоровьем

человек может только мечтать.

При общении со своим сыном в голосе мамы Нины никогда не было ни тени отчаяния или скрытой боли. Чувствовалось, что она давно уже приняла своего ребенка таким, каким он появился на свет. По судьбе они сразу шли неразлучно – мать и ее сын.

Инвалиды бывают разные. Многие на своих ногах, умеют обслуживать себя, разговаривать. Этот ребенок не мог ходить, он был совершенно беспомощным. И, возможно, прожил до сорока двух лет потому, что его до самозабвения любила мать. Любовь, говорят, продляет годы даже таким, очень больным и немощным людям. Они ее чувствуют и долго не покидают этот мир. И все-таки 42 года для такого человека – это предел возможного. В весенний мартовский день Саша оставил этот мир. Его мать была в отчаянии от такого горя. Она и сейчас не может привыкнуть к пустому углу, где лежал ее Саша.

К счастью, Саша был не единственным сыном. Его брат Пётр рос совершенно здоровым. У него хорошая семья. Две взрослые дочери.

Психологи утверждают, что мать любит своих детей не одинаково горячо, а каждого своей единственной любовью. И не зря говорят, что больных больше жаль. Уверенные в себе люди идут по жизни без посторонней помощи. Этому ребенку, как никакому другому, нужна была мать. И она это понимала.

Жизнь этой женщины без преувеличения можно назвать подвигом. Очень слабое здоровье стало в последние годы и у её мужа. И хозяйка старается всем облегчить участь. Хотя тоже не может похвалиться отменным самочувствием. Но что делать, раз жизнь её поставила в такие условия. Как говорят: «Пришла беда – отворяй ворота».

Галина Ермолаева,
г. Андреаполь

- Гости клуба
**Светлана
Тимофеева**
г. Западная Двина

Для меня уже не ново:
Ты теперь ничей.
Но остался лист кленовый
На твоём плече.
Он запомнил не случайно
Твой прощальный взгляд.
Только даже он не знает,
Как тебя вернуть назад.
Ты ушел, как листопад,
Как случайный дождь.
И не ждать тебя назад,
Лето не вернешь.
И кого-то в этот вечер,
Искренне любя,
Обнимаешь ты за плечи,
Позабыв меня.

* * *

Скажи, зачем ты появился в моей жизни?
Упал среди лета, словно зимний снег,
И на губах калиной горькой брызнул,
И превратился в колокольчик-смех.
Зачем заставил вновь поверить в чудо,
Когда уже надежды за чертой?
Ведь знаю, что одна я снова буду
Наедине с душою смятой и пустой.
Какая сила заставляет верить
Тебе и каждый раз в последний раз?
И ночи грустью, как шагами, мерить,
Не доверяя лживым окнам твоих глаз.
Победу празднуя над бедною душою,
Ты каждый раз клянешься от души,
Что добровольно, по любви, идешь со мною.
Но только в этот раз ты не спеши
Меня обманывать, ведь я теперь другая.
И я не позабыла тех утрат,
Которых ты счастливо избегаешь.
Но ты в моих несчастьях виноват.
В твоей усмешке притаилась ночь,
Хочет, как безумная сова.
Тебя сегодня прогоню я прочь,
И ни к чему напрасные слова.
Не убивай последние мечты,
Чем дорожу я. Но всего дороже
Ты для меня, один лишь только ты,
И ничего поправить невозможно.

Как хорошо, что появился снова
И выпал, словно прошлогодний снег.
И против не скажу я даже слова:
Ты – мой любимый. Лучший среди всех.

СЕМИДЕСЯТЫЕ

Пахнет мандаринами и хвоей.
Впереди каникулы и елки.
Хватит времени на все с лихвою:
Две недели счастье без умолку.
Днем снеговики, коньки и санки-
Больше никакой тебе заботы.
А потом - горчичники и банки-
Новая родителя забота.
Вечером гулянье в нашем клубе,
А туда больных не отпускают.
Согласясь на валенки и шубы,
Мама с бабушкой не выдержат, растают.
И под пенью старой радиолы
Позабыты начисто вконец
Дневники, учителя и школа,
Только слышится биение сердец.
Дети скажут: «Жили вы задаром,
И разнообразья никакого:
На телеэкране «С легким паром»,
На эстраде - Алла Пугачева».
Только мне так хочется поспорить!
В эти годы юности моей
Увлекались книгами и спортом
И на жизнь смотрели веселей.
Верили, что все пути открыты,
Что уехать можно в край любой.
И писали письма и открытки,
Телефонов не нося с собой.
Интернет нам заменяло небо,
Где все есть – и звезды, и мечта.
Было вволю молока и хлеба,
И чиста природы красота.
А еще река и солнце рядом,
Только протяни к нему ладонь.
И с кислинкой яблочко из сада,
И костра волнующий огонь...
Но промчалась юность золотая,
Как виденье возникая снова,
Где поет с эстрады молодая
И худая Алла Пугачева.

• Пошла писать губерния

Евгений Федоров

д. Луги

* * *

Я про любовь хочу вам
рассказать,
Про это странное и непростое чувство.
Оно, как спорт, и как война,
Порой оно, как величайшее искусство.
Любовь, как дорогой хрусталь:
Задел нечаянно, неловко и разбилось.
А иногда она, кошмарный сон,
Ты не хотел, но все равно приснилось.
Любовь, друзья, нельзя предугадать,
Она приходит вдруг, совсем случайно,
Себе перестаешь принадлежать,
Она тобою управляет полноправно.
Любить не каждому дано,
И быть любимыми навечно.
Но, если все же суждено,
Так дорожите этой честью.

ВОПРОС

Шел дождь, сверкала ль молния, или была жара?
Шел человек своей дорогою неведомо куда.
Он шел уже который год и ношу свою нес,
И все искал ответ на свой вопрос.
У всех, кого встречал он на рассвете,
Он спрашивал: «Кто я на этом свете?»
Спросил у ветра он, и тот сказал:
«Ты как песок, а я хочу, чтоб ты скалою стал».
«Ты тень, - сказала Солнце на немой вопрос. –
А я хочу, чтоб стал ты радугой
И радость в этот мир принес».
Обиделся, надулся человек, но вида не подал,
К Всевышнему он обратиться пожелал:
«Скажи мне, Боже, кто на этом свете я?
Что я всю жизнь искал?»
И Бог сказал: «Ты раб, всего лишь раб!
А я хотел, чтоб ты мне сыном стал!».

Нина Семёнова

г. Андреаполь

РАЗДУМЬЯ

О многом хочется сказать,
Поразмышлять и помечтать.
Словами ветер не догнать,
Руками небо не обнять.

Остались в памяти года,
Счастливые когда-то.
Как торопились мы всегда,
Не думая о безвозвратном.

Теряли близких и друзей,
Куда-то всё спешили.

Сегодня память, как музей,
Лишь прошлое в моей квартире.

* * *

Где страсти кипят, счастья не бывает,
Речным песком оно сквозь пальцы уплывает.
Но дремлет, часа дожидаясь,
Когда придут к нему, спокойно улыбаясь.

И если счастье вдруг тебя нашло,
И нежно ласковой рукою обняло,
Старайся удержать и сохранить,
Чтоб им ещё кого-то одарить.

Александра Лельбикс

г. Андреаполь

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Легкими шагами медленно плывет,
Еле слышно дышит, песенку поёт,
Скромно улыбаясь, в дверь твою стучит,
Секунда... две... минутка ожидания... он молчит.
«Как странно... может слишком рано я пришла?!
Нет, быть того не может, ошибиться не могла!»
Она вздохнула глубоко, еще минутка пролетела,
Но перед глазами всё те же закрытые двери.
"Да что же такое! Меня не обманешь!
Тот сердца стук учащенный не скроешь,
Радость душевную и блеск в глазах,
Улыбку счастливую на губах".
Как гром прозвучали эти дерзкие слова,
Дверь распахнулась... "Ты пришла!
Я так и знал, что со мной случилась не странность,
Просто ты ко мне явилась... Влюбленность..."

Галина Персина

* * *

г. Андреаполь

Дорогая мама, бабушка Аня,
Что сейчас ты делаешь, чем ты занята?
Я сижу, тревожусь: что же ты не «тута»,
Без тебя тоскливо, просто маята.

Не переставая, дождь осенний льётся,
Он принёс с собою грязь и холода.
И душа, сжимаясь, в дом родимый рвётся.
Знаю, что расстались мы не навсегда.

Знаю, что приеду, отворю калитку
И ступлю с крылечка в свой родимый дом.
Тороплюсь увидеть я твою улыбку,
Даже тёмна ночь станет ясным днём.

Раньше молодая я не сознавала,
Что тебя, родную, надо нам беречь,
А как повзрослела, сама бабкой стала,
Хочется побольше мне с тобою встреч.

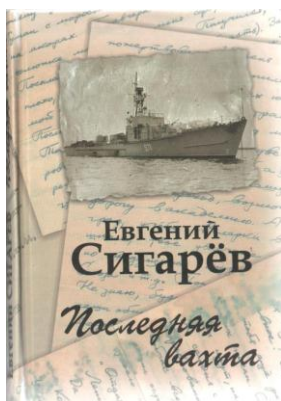
Бабушка-подружка, Нюрка дорогая,
Нет для нас дороже и родней тебя.
Трудишься, как пчёлка, устали не зная,
Никому не жалуясь, только всех любя.

• Представляем, рекомендуем: новые книги

«НА РАЗЛОМЕ» – новая книга Валерия Кириллова, выпуск которой приурочен им к 20-летию известных событий, происходивших в октябре 1993 года. Автор в тот период был народным депутатом РСФСР. В своей книге он показывает атмосферу на тверской земле и в Москве в это время, приводит свидетельства очевидцев, редкие факты и дает им оценку с высоты прожитых лет. Читатель узнает, например, кто и когда принимал решение о расстреле Верховного Совета, о технологии и механизмах оппозиционной деятельности в России тех лет. Вашим глазам предстанут списки людей, погибших при защите Белого дома или оказавшихся рядом с местом печальных событий случайно. Есть здесь и раздел "Поэзия 1993 года".

"Да, есть такая страница в русской поэзии XX века, и вычеркнуть ее невозможно", – говорит автор.

«ПОСЛЕДНЯЯ ВАХТА» - первое посмертное издание поэта Евгения Сигарёва. Оно уникально тем, что в него составителем Любовью Старшиновой, принявшей от Евгения Игнатьевича руководство тверским литературным объединением «Рассветная звонница», включены и стихи, ранее не публиковавшиеся ни в каких изданиях или оставшиеся в черновиках. А ещё тем, что предпринято на средства самих участников ЛИТО, друзей и почитателей таланта автора. И это – один из весомых знаков признания значимости творчества большого российского, русского Поэта в культурном наследии страны.

Имя Евгения Сигарёва хорошо известно андреапольцам, следящим за литературным процессом в области. Будучи секретарём правления Союза писателей России, членом правления Тверской писательской организации, он приезжал в наш город, принимал участие в поэтических встречах, проходящих в районной библиотеке. Некоторым из андреапольских авторов он открыл поэтическую дорогу в областную литературу.

К сожалению, тираж сборника лишь 500 экземпляров. В нашем городе он есть пока в личной библиотеке Валерия Кириллова. Но, возможно, появится впоследствии и в районной библиотеке.

«ДО РОДНИКОВОЙ ЧИСТОТЫ» – первая официально выпущенная книга стихов андреапольца Владимира Юринова. Вышла она в 2013 году в Мурманске. Это результат его недавней победы на областном конкурсе авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грей» (Оленегорск) и Всероссийском литературном форуме имени Николая Гумилёва «Осиянное слово» (Москва). В качестве награды победителю в канун его юбилея в мурманском издательстве Опимах была бесплатно издана эта книга.

Судьба так отметила его стремление доводить каждую свою строку «допряного, хмельного вкуса»:

Стихи не терпят суеты.

Вначале – грубые болванки –
шлифовки требуют, огранки
до родниковой чистоты.

Литературный клуб «Светлячок» и районная библиотека города Андреаполя желают Владимиру, чтобы такая круглая и красивая дата – 50 лет – была началом нового высокого витка в его творческой биографии.